

брать «неограниченные кредиты» на выстраивание доверительных отношений, максимально экономя при этом на операциональных издержках.

Литература

- Зинченко В.П. 2001. *Психология доверия*. Самара: СИОКПП, 104 с.
 Кокотов А.Н. 2004. *Доверие. Недоверие. Право*. М.: Юристъ, 192 с.
 Мальцева А.П. 2012а. *Повседневность истины*. М.: ФЛИНТА; Наука, 88 с.
 Мальцева А.П. 2012б. *Философия доверия. — Человек*, № 3. С. 19-27.
 Селигмен А. 2002. *Проблема доверия*. М.: Идея-Пресс, 254 с.
 Фукуяма Ф. 2006. *Социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, 732 с.
 Штомпка П. 2002. Доверие: социологическая теория. — *Социологическое обозрение*, № 3. Т. 2. С. 44-56.
 Hosking G. 2010. *Trust: Money, Markets, and Society*. London: Seagull Books, 92 p.

ФЕДОТОВ Александр Сергеевич –

д.полит.н., профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
 410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89.
 as.1953.ru@yandex.ru

«ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ» РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

THE «INFANTILE DECEASE» OF THE RUSSIAN SOCIAL SCIENCE

В статье предпринята попытка анализа проблемы применимости к современной российской действительности важнейших понятий западной социальной мысли. На примере таких фундаментальных понятий, как государство и гражданское общество, автор показывает весьма серьезную не адекватность современного западного понятийно-категориального аппарата социально-политическим явлениям и процессам российского общества. Автор утверждает, что использование базовых понятий западной социально-гуманитарной науки приводит к подгонке социальных явлений под заранее заданные теоретические модели и схемы и связывает данную методологическую ущербность с отрицанием самостоятельного пути развития России как самодостаточного культурно-цивилизационного образования.

Ключевые слова: российское обществоведение, понятийно-категориальный аппарат, имитация, общественное сознание, российская цивилизация, государство, гражданское общество

The author studies fundamental concepts of state and civil society and shows that modern Western concepts and categories, which describe social and political phenomena cannot be applied to the Russian society. The fundamental concepts of the Western social and humanitarian studies indiscriminately lead to the fitting of social phenomena into the given theoretical models and schemes. The author interprets these methodological shortcomings as the reluctance to recognize the unique character of Russia as a all-sufficient cultural and civilizational phenomenon.

Keywords: social studies in Russia, concepts and categories of sociology, imitation, public awareness, Russian civilization, state, civil society

Последние десятилетия стали для российской социально-гуманитарной науки периодом массового обращения к зарубежным источникам. Использование западных концепций и теоретических моделей, ориентация на работы американских и европейских ученых превратились в

настоящее время не только в модную и тем самым доминирующую тенденцию, но и в своеобразный «показатель качества» научной работы отечественного исследователя в любой области обществознания. За этот период были широко введены в научный оборот новые категории и понятия, которые отражали, несмотря на свою так называемую универсальность, в первую очередь, социокультурную реальность западных стран. Другими словами, вновь введенные понятия описывали совершенно иной вид реальности, и однозначно не российской.

В то же время, конечно, нет сомнений в том, что западные социологические, политологические и культурологические модели помогают понять развитие России как государства, общества и культуры. Но опять же эти теоретико-методологические построения оказываются все же недостаточными, поскольку культурно-цивилизационное пространство России включается в эти модели по образу и подобию западных цивилизационных пространств, в контексте важнейших социально-политических процессов, которые происходили на Западе и были именно для него определяющими. Поэтому, в конечном итоге, мы постоянно сталкиваемся с непониманием современной российской действительности. Об этом свидетельствуют и материалы дискуссии по концепции «русской матрицы», опубликованные во втором номере журнала «Власть» за 2014 г.

Данные обстоятельства усугубляются доминированием имитации в современном российском обществе, поскольку применяемые социальные индикаторы — понятия — не раскрывают полноту и истинность деятельности, не могут зафиксировать реальность и объективность российских процессов [Тощенко 2012: 35]. Соответственно, наше понимание глубинных причин происходящего в обществе, логики действия основных социальных и политических акторов существенно ограничено принятым понятийным аппаратом. А это требует, в свою очередь, внесения значимых коррективов в понимание хотя бы базовых категорий, при помощи которых мы осмысливаем и деятельность, и общественное созна-

ние. Этот во многом имитационный характер российской действительности и современной российской социально-гуманитарной науки — одновременно и следствие восприятия действительности на основе доминирующего понятийного аппарата, и проявление особенностей современной реальности, которая подчас выступает под чужими именами. К тому же проблема усложняется в т.ч. и становлением своеобразного мирового сообщества, стремящегося к гомогенизации и отмене всех «лишних» культурных смыслов. Это проявляется даже в таких «вещах», как введенный для научных публикаций «индекс цитирования», когда большинство изданий, которые им отслеживаются, являются в настоящее время даже не европейскими, а американскими и уж тем более не российскими, т.е. уже и в этом, пусть и формальном плане наука подгоняется под атлантические стандарты.

Далее, опять же структура массовых предпочтений в так называемом «переходном обществе» с трудом поддается анализу, в частности потому, что сам категориальный аппарат, описывающий модели социально-политического устройства, является отражением стабильного общества, а не периода жесткого идеологического противостояния и пропагандистской борьбы, когда он наполняется целесообразным в данный момент содержанием. Как известно, современные авторитарные режимы не позиционируют себя авторитарными, наоборот, они не только активно используют концепт «демократии», но и точно так же, как и консолидированные демократии, обосновывают с его помощью легитимность своего существования. При этом они интерпретируют демократию как «власть большинства», где демократия выступает как порядок, установленный в «интересах большинства», в то время как режимы консолидированной демократии в настоящее время основной упор делают на процедурное и конкурентное понимание демократии, где «демократия — это конкурентная процедура выявления предпочтений» [Рогов 2012: 14].

Если же в этом анализе опираться на эмпирический социологический материал, то возникает проблема понимания и интерпретации такого поня-

тия, как «общественное мнение» с его оценками тех или иных социально-политических явлений. Само содержание этого понятия по-прежнему трудноуловимо, несмотря на то что сбор и анализ данных представляет собой весьма сложный и трудоемкий процесс. Содержание понятия, конечно, определяется ответами, которые дают респонденты на вопросы интервьюеров, но априори оно достаточно спорное. Уже сама формулировка вопросов проблематична, поскольку они далеко не обязательно будут являться вопросами о той социальной, экономической и политической действительности, которая актуальна для жизни респондентов, и т.д. Следовательно, совокупность полученных ответов далеко не всегда является выражением действительного отношения людей к протекающим процессам и явлениям. Эта проблема, взятая в своем другом аспекте, во многом определяется возможностью интерпретации полученных ответов, когда интерпретация будет определяющей в показе «социальных фактов» и фактически независимой от самих фактов действительности. В то же время при всех недостатках опросов, которые, конечно, не являются точным инструментом выявления общественного мнения, он один из немногих, которые у нас есть на данный момент, чтобы услышать голос «живого человека».

Любая социально-гуманитарная наука России как форма рационального знания призвана, прежде всего, находить, описывать и объяснять феномены именно российского общества. Для этого «нужно развивать собственно русский научный язык, последовательно разрабатывать понятийный аппарат, обозначающий то, что происходит “на самом деле” в российском обществе, российских регионах, городских и сельских сообществах. Тогда не придется укладывать наблюдаемые социальные факты в прокрустово ложе концептуальных схем, изобретенных при объяснении феноменов развития иных обществ (в том числе европейских) и в другие времена» [Левичева 2013: 22].

Все указанные обстоятельства формируют тот контекст, в котором мы и употребляем понятийно-категориальный аппарат современного обществоведе-

ния. И это его употребление в большинстве случаев приводит к складыванию каких-то абсурдных ситуаций. Поэтому хотелось бы на примере двух фундаментальных понятий, таких как «гражданское общество» и «государство», а также на примере эмпирического насыщения содержания понятий «модернизационный тип сознания» и «традиционный тип сознания», отражающих в значительной степени глубокую и серьезную операционализацию и этих фундаментальных понятий, показать всю противоречивость описания российской действительности. Данное стремление, конечно, не является каким-то оригинальным, оно достаточно веско представлено такими известными фигурами отечественной науки, как А. Панарин, Ж. Тощенко, Г. Гачев, К. Гаджиев и др.

Итак, «государство». Это знаменитое *state*, которое является базовым социальным институтом, обеспечивающим развитие значимых человеческих сообществ, т.е. институтом, позволяющим тем или иным общностям превратиться в исторический субъект. В современной, в первую очередь политологической науке государства различаются по множеству признаков — и по формам правления, и по формам территориального устройства, и по типам легитимного господства, и по своим историческим особенностям и т.п. признакам государства. Любой из этих признаков может при определенных обстоятельствах становиться определяющим. Одним словом, создается впечатление, что мы всесторонне изучили этот феномен, что мы можем на рациональных основаниях описать ту его форму, которая в настоящий момент является наиболее эффективной, и т.д. Но мы почему-то при всеобщем употреблении этого понятия забываем, что оно в разных культурно-цивилизационных традициях имеет разное содержание и разное значение. Мы как-то забываем, что западная оценка государства и требований к нему в настоящее время в российских условиях принципиально неверны. Выводы большинства исследователей строятся на понимании государства как института, изначально противостоящего обществу, как некоего левиафана. Не обращая уже внимания на то, что во всех романогерманских языках понятие «государ-

ство» — это всего лишь центральное правительство или политический центр, но не тот всеобъемлющий институт, который был характерен для всей российской истории. Что именно в этом наиболее ясно проявляется наша самость, наше отличие как народа, у которого государство на протяжении веков имело исключительное значение. И кризис государства немедленно приводил к глубокому кризису и общества.

Этот аспект понимания государства можно наглядно проиллюстрировать и таким понятием, как «рецепция права». Данным понятием в историко-правовой науке называется заимствование римского права и отдельных его положений в средневековой Европе. Для Европы это было естественно и органично, поскольку и римское, и европейское право, а также, соответственно, государство формировались в условиях первичности собственности по отношению к власти. В российских же условиях власть была и остается в настоящее время первичной по отношению к собственности. Чем эта специфика была обусловлена, в данной статье, наверное, нет смысла обсуждать, но весь исторический опыт России свидетельствует о фактически неизменной модели государственного устройства, меняющего лишь названия. Периоды смуты и развала всегда завершались возвращением сильной и автономной по отношению к обществу верховной власти. Так вот, возвращаясь к «рецепции», можно сказать, что в России в 1993 г. также произошла «рецепция права», но права чужого. И практически сразу же обнаружилось вопиющее несоответствие правовых форм государства и, как писал В. Вересаев, «живой жизни». Вылилось же это несоответствие в повседневной жизни как в «правовой беспредел», так и в «правовой нигилизм», поскольку «понятия» оказались более фундаментальными, чем право.

В этом же ключе произошла рецепция и таких понятий, как «разделение властей», «правовое государство» и многих других, действительных в рамках евроатлантической политико-правовой системы. По принципу «разделения властей» Россия не жила никогда, в этом отношении строго придерживаясь принципа Аристотеля, что власть монадична. «Правовое государство» с

научной точки зрения — это плеоназм (Г. Кельзен). Суть этого понятия в том, что государство само себя ограничивает и само обязывает. Но это происходит уже не на основе права, право лишь следствие, а на основе неких моральных императивов. Государство, таким образом, именно правовое государство, вырастает не из права, а из морали. И это как-то не рефлексируется современной социально-политической мыслью.

Еще одним аспектом в понимании государства выступает концепция «естественных прав», которая лежит в основе современных западных представлений о государстве. «Естественное право» трактуется как изначально существующее в природе и имманентное самой сущности человека. Оно включает в себя и «право обладать и распоряжаться собственностью». По этому поводу Н. Алексеев, выдающийся правовед, утверждал, что «учения естественного права» совершенно чужды нашей истории. Но ведь из этого фундаментального представления западной мысли о государстве вытекают и все представления о рынке — политическом, экономическом, идеологическом и каком угодно. То есть, это то, что К. Поланьи обозначил как «захват» рынком общества.

Понятие «гражданское общество». Здесь также остановимся только на тех вещах, в которых проявляется неадекватность трактовки данного понятия. В современной России диапазон интерпретаций феномена «гражданское общество» запредельно широк — от его оценки как идеологемы до крайне либеральных интерпретаций.

Когда мы говорим об атлантической или евро-американской культуре, мы рассматриваем Запад как некую целостность, как единство, лишенное каких-либо оттенков. Но сами западные исследователи всегда выделяли два направления формирования гражданского общества, две модели его существования — англосаксонскую и континентально-европейскую. Различие между ними формировалось исторически, этнически, конфессионально и т.п. Эти модели действительно отражают различия между двумя частями Запада и, естественно, являются жизнеспособными. Для нас же здесь важно то, насколько понятие «гражданское общество» применимо

к российским реалиям, как историческим, так и современным. Большинство отечественных ученых исходит из того, что развитого гражданского общества в современной России нет, и от этого все проблемы. Естественно, по этой логике, его не было и в дореволюционной, и в Советской России. Иначе можно сказать, и это будет строго по С. Хантингтону, что гражданские отношения складываются в Европе уже в V–VII вв., и это обстоятельство является уникальным качеством европейской культуры и цивилизации. Но большинство пишущих о гражданском обществе это обстоятельство не принимают во внимание. А если в настоящее время говорят о национальных моделях гражданского общества, то все они подозрительно близки к одной, а именно англосаксонской.

С содержательной точки зрения гражданское общество всегда выступало социальной основой государства. Это гражданская мотивация, это гражданские действия, направленные и на сохранение общества, но одновременно и государства. В этом контексте гражданское общество, гражданские отношения всегда существовали в России. В. Ключевский, например, употреблял этот термин относительно Киевской Руси XII в. И считал это вполне правомерным. Или пример Отечественной войны 1812 г. Императору Александру I пришлось принимать специальные меры для ограничения, снижения накала крестьянской войны против французов. В этом же ключе можно привести фундаментальный факт о гражданском чувстве русского человека во второй половине XIX в. Здесь имеются в виду факты, приведенные М. Громыко в книге «Мир русской деревни», которые свидетельствуют о том, что российские «темные» крестьяне, якобы ничем, по мнению просвещенной публики, не интересовавшиеся за пределами своей деревни, в 70-х гг. XIX в. делали массовые жертвования в пользу южных славян, вступивших в борьбу с Турцией за свое освобождение. И это практически по всем губерниям – Московской, Вятской, Ярославской, Тульской и др. Причем, и это самое главное, во многих губерниях суммы, пожертвованные крестьянами, «существенно превышали» жертв-

вования дворян, купечества и мещан [Громыко 1991: 232]. Таким образом, в этом контексте получается, что понятие «гражданское общество» – само по себе, а российская действительность – сама по себе.

Одна из сравнительно новых трактовок гражданского общества заключается в том, что под ним понимают «третий сектор», состоящий из совокупности различных НПО и НКО. Но НПО и НКО как сущностные элементы современного гражданского общества есть лишь паллиативное средство компенсации разрушения традиционных идентичностей (гендерной, национальной, религиозной, территориальной и т.д.). Они, по сути, не только выполняют компенсаторные функции, но и разрушают формы традиционной идентичности, поскольку все эти структуры носят конъюнктурный характер, являются временными и изменчивыми. И если человек Запада в середине XX столетия идентифицировал себя с «большим обществом», выразителем которого в то время являлось государство, то сейчас мы видим, что и данная идентичность потеряла свое значение. Можно сказать, что в современном западном обществе формируется или уже сформировался человек с «бездомным сознанием», человек, лишенный каких-либо «теплых», «солидарных» идентификаций и сам превратившийся в некий абстрактный символ.

Что касается России, то, по мнению Б. Миронова, начало генезиса гражданского общества относится к последней трети XVIII в., а к 1917 г. уже сформировались его основные элементы: масса добровольных общественных ассоциаций, критически мыслящая общественность, свободная пресса, независимое общественное мнение, политические партии, парламент. И само российское общество прошло за это время путь от объекта до субъекта государственного управления [Миронов 2009: 124]. Поэтому можно сказать, что гражданское общество в России было всегда, в т.ч. и в советский период русской истории, где и «советская кухня», и трудовые коллективы были своеобразными ячейками гражданского общества. Это именно так, поскольку и в старой добропорядочной Англии гражданское обще-

ство — это не фонды какого-нибудь Джона Джонсона, а английский паб, где «ткется ткань» повседневной английской жизни (В. Карпец).

Так в чем конкретно, на наш взгляд, проявляется теоретико-методологическая ущербность данного подхода? Ее достаточно легко проследить по нескольким моментам. Во-первых, это игнорирование существующих альтернативных научных подходов, в рамках которых страны и регионы мира могут быть рассмотрены как самостоятельные культурно-цивилизационные целостности со своим инвариантным «культурно-ценностным ядром», которое по определению не может постепенно изменяться в сторону либеральных ценностей, а может быть только заменено (А. Панарин). Другими словами, нельзя просто отмахнуться от российской цивилизационной сущности. Здесь требуются доказательства того, что Россия всегда была европейской страной, была Европой, пусть только «отсталой Европой». Во-вторых, дихотомия эволюционистской парадигмы «традиционное — современное» уже давно подвергается справедливой критике самой западной наукой, поскольку «традиционное» и «современное» даже в так называемых развитых странах — это не взаимоисключающие, а сосуществующие феномены с доминированием той или иной системы ценностей. Культура любого исторически состоявшегося народа включает в себя разные по своему происхождению пласты сознания, которые могут быть актуализированы внешними и внутренними обстоятельствами страны. Здесь поэтому надо исходить из анализа первооснов генезиса уникальности западной цивилизации. В-третьих, в настоящее время теоретически и практически достаточно обосновано положение о модели «национальной модернизации», в рамках которой показывается, что в современных условиях модернизация развивающихся стран возможна только на основе собственных культурно-цивилизационных ценностей, когда традиция уже не рассматривается как «тормоз», как «препятствие» общему развитию, поскольку может выступать имманентной базой развития как тако-

вого. В-четвертых, дифференциация современного российского общества на группы носителей модернизированного мировоззрения и группы с традиционным сознанием не учитывает взаимоотношения, взаимообусловленности инструментальных и терминальных ценностей. В конечном итоге происходит опять же подгонка действительности под абстрактные теоретические схемы, поскольку непонятно, что же понимается под традиционными ценностями. Что вообще значит «носитель традиционного сознания» в современной России? Если это массовая идентификация людей с советским прошлым, поскольку другого прошлого у них просто нет, то тогда идентификация людей и, соответственно, следование определенной ценностно-нормативной системе выглядят вполне современным, т.к. советское общество было развитым промышленным обществом с секуляризированной культурой, индивидуализированным жизненным миром, потребительскими ценностями и т.п.

Находясь в дискурсивном поле этих и других понятий, некоторые авторы волей-неволей иногда утверждают абсурдные вещи. Например, глубокий и серьезный ученый Б. Макаренко, говоря о «ресурсном проклятии» России, как-то странно и отрешенно констатирует, что «резко возросшие доходы от добычи и экспорта углеводородов позволили решить многие социально-экономические проблемы». И тут же с сожалением пишет, что это повысило патерналистские настроения «низов» [Макаренко 2012: 87]. А мы, что же, по определению должны решительно избавляться от патернализма как традиционного отношения к государству в целях соответствия отвлеченным идеалам западной современности?

В заключение следует отметить, что, конечно, не имеет смысла менять сами термины, но требуется наполнить их адекватным реальности содержанием. Понятия современного обществоведения уже давно устоялись, и бороться с ними бессмысленно. Хотя опять же в некоторых случаях неизбежно придется заниматься и «исправлением имен», иначе блуждание в «трех соснах» будет бесконечным.

Литература

- Громыко М.М. 1991. *Мир русской деревни*. М.: Молодая гвардия, 446 с.
- Левичева В.Ф. 2013. О стратегии развития системы аттестации кадров в России. – *Социс*, № 7. С. 18-24.
- Макаренко Б. 2012. Рамки развития политической системы. – *Pro et Contra*, № 4-5. С. 84-100.
- Миронов Б.Н. 2009. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века. – *Общественные науки и современность*, № 1. С. 110-125.
- Рогов К. 2012. Политические циклы постсоветского транзита. – *Pro et Contra*, № 4-5. С. 6-32.
- Тощенко Ж.Т. 2012. Новые лики деятельности: имитация. – *Социс*, № 12. С. 23-36.

УДК 321.1; 299.992

КОНОПКИН Алексей Михайлович –

к. филос.н., доцент кафедры философии Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова

432700, Россия, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4.

atkonopkin@yandex.ru

САКРАЛЬНАЯ «ТЕНЕВАЯ ВЛАСТЬ» КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В ПЕРВОБЫТНЫХ ОБЩЕСТВАХ

SACRED «SHADOW POWER» AS A TOOL OF LEGITIMIZATION OF POWER IN PRIMITIVE SOCIETIES

Статья посвящена исследованию мистического аспекта политической власти, который связан со жрецами, шаманами и псевдонаучными практиками. Обосновывается, что легитимация политической власти в древних обществах включала в себя религиозно-мистический компонент, даже если не происходило прямое обожествление правителя или его должности. Это происходило с помощью жрецов, которые играли роль «теневого» центра власти. Жрецы проводили суд и определяли правила и обряды для суда, которые часто были псевдонаучны. Такой механизм легитимации власти существовал задолго до появления монотеистических религий, так как воля жреца или вождя с помощью псевдонаучных объяснений выдавалась за волю природы. Это позволяло построить власть, общество и природу в общую систему мироздания.

Ключевые слова: власть, шаман, псевдонаука, сакральность

The article investigates the mystical aspect of political power, which is associated with the priests, shamans and pseudoscientific practices. Author proves that the legitimization of political power in ancient societies included religious and mystical component, even if there is no direct deification of the ruler. This happened due to priests, who played the role of a «shadow» power center. Priests conducted the court and determined the rules and rituals for the court, which were often pseudoscientific. Such a mechanism of legitimizing power existed long before the advent of monotheistic religions. Desires of a priest or leader with the use of pseudoscientific explanation were issued for the desire of nature. This permits uniting power, society and nature in the universal system.

Keywords: power, shaman, pseudoscience, sacrality

Проблема становления политической власти – одна из дискуссионных в современной философии и политологии. Есть у этой про-

блемы и мистический аспект, связанный с ролью сакрального компонента политической власти. Сакральность означает «священность», или более